

1 тур
Аналитическое задание
10 класс

Ученикам 10 класса предлагается **письменное задание** аналитического характера. Необходимо **ВЫБРАТЬ** один из двух предложенных текстов: прозу или поэзию. Выполняя задание, ученики **создают текст ответа**. Время выполнения аналитического задания – не менее 180 минут (**не менее трёх астрономических часов**). **Максимальный общий балл за задание – 70 баллов**.

Прочитайте стихотворение **Семёна Яковлевича Надсона** (1862 – 1887) «Я вчера ещё рад был отречься от счастья...» (1882). Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого стихотворения. При работе можете опираться на предложенные вопросы.

С.Я. Надсон

* * *

Я вчера ещё рад был отречься от счастья...
Я презрением клеймил этих сытых людей,
Променивших туманы и холод ненастья
На отраду и ласку весенних лучей...
Я твердил, что, покуда на свете есть слезы
И покуда царит непроглядная мгла,
Бесконечно постыдны заботы и грезы
О тепле и довольстве родного угла...
А сегодня – сегодня весна золотая,
Вся в цветах, и в моё заглянула окно,
И забилося усталое сердце, страдая,
Что так бедно за этим окном и темно.
Милый взгляд, мимолётного полный участия,
Грусть в прекрасных чертах молодого лица –
И безумно, мучительно хочется счастья,
Женской ласки, и слёз, и любви без конца!

1882

ЗАДАНИЯ.

1. *Обратите внимание, как меняется настроение лирического героя в произведении. С чем это связано?*
2. *Современники свидетельствовали о противоречивости натуры С.Я. Надсона. В чём, по мнению поэта, заключается счастье?*
3. *Определите идейно-тематическое содержание стихотворения С.Я. Надсона. В чём заключается его особенность?*
4. *Каково композиционное построение стихотворения? Какие средства выразительности использовал поэт?*
5. *По каким признакам можно понять, что стихотворение написано в XIX веке? Подтвердите свои ответы примерами из текста.*

Прочитайте рассказ «**Мастер**» (1969 – 1971) **Василия Макаровича Шукшина** (1929 – 1974). Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого текста. Рекомендуется при создании письменного развёрнутого ответа учитывать задания, предложенные после текста.

В.М. Шукшин

МАСТЕР

(В сокращении)

Жил-был в селе Чебровка некто Сёмка Рысь, забулдыга, непревзойдённый столяр. Длинный, худой, носатый – совсем не богатырь на вид. Но вот Сёмка снимает рубаху, остаётся в одной майке, выгоревшей на солнце... И тогда-то, когда он, поигрывая топориком, весело лает с бригадиром, тогда-то видна вся устрашающая сила и мощь Сёмки. Она – в руках. Руки у Сёмки не комкастые, не бугристые, они – ровные от плеча до лапы, толстые, словно литые. Красивые руки. Топорик в них – игрушечный. Кажется, не зная таким рукам усталости, и Сёмка так, для куража, орёт:

– Што мы тебе – машины? Тогда иди заведи меня – я заглох. Но сзади подходи осторожней – лягаюсь!

Сёмка не злой человек. Но ему, как он говорит, «остолбенело всё на свете», и он транжирит свои «лошадиные силы» на что угодно – поорать, позубоскалить, нашкодить где-нибудь – милое дело.

– У тебя же золотые руки! – скажут ему. – Ты бы мог знаешь как жить!.. Ты бы как сыр в масле катался...

– А я не хочу, как сыр в масле. Склизко.

Он всю зарплату отдавал семье. Выпивал только на то, что зарабатывал слева. Он мог такой шкаф изладить, что у людей глаза разбегались. Приезжали издалека, просили сделать, платили большие деньги. Его даже писатель один, который отдыхал летом в Чебровке, возил с собой в областной центр, и он ему там оборудовал кабинет... Кабинет они оба додумались подогнать под деревенскую избу (писатель был из деревни, тосковал по родному).

– Во, дурные деньги-то! – изумлялись односельчане, когда Сёмка рассказывал, какую они избу уделали в современном городском доме – 16-й век!

– На паркет настелили плах, обстругали их – и всё, даже не покрасили. Стол – тоже из досок сколотили, вдоль стен – лавки, в углу – лежак. На лежаке никаких матрасов, никаких одеял... Лежат кошма и тулуп – и всё. Потолок паяльной лампой закоптили – вроде по-чёрному топится. Стены горбылём обшили...

Сельские люди только головами качали:

– Делать нечего дуракам.

– Шестнадцатый век, – задумчиво говорил Сёмка. – Он мне рисунки показывал, я всё по рисункам делал.

Между прочим, когда Сёмка жил у писателя в городе, он не пил, читал разные книги про старину, рассматривал старые иконы, прялки... Этого добра у писателя было навалом.

В то же лето, как побывал Сёмка в городе, он стал приглядываться к церковке, которая стояла в деревне Талице, что в трёх верстах от Чебровки. В Талице от двадцати дворов осталось восемь. Церковка была закрыта давно. Каменная, небольшая, она открывалась взору – вдруг, сразу за откосом, который огибала дорога в Талицу... По каким-то соображениям те давние люди не поставили её на возвышение, как принято, а поставили внизу, под откосом. Ещё с детства помнил Сёмка, что если идёшь в Талицу и задумаешься, то на повороте, у косогора, вздрогнешь, – внезапно увидишь церковь, белую, лёгкую среди тяжкой зелени тополей.

В Чебровке тоже была церковь, но явно позднего времени, большая, с высокой колокольной. Она тоже давно была закрыта и дала в стене трещину. Казалось бы – две церкви, одна большая, на возвышении, другая спряталась где-то под косогором – какая должна выиграть, если сравнить? Выигрывала маленькая, под косогором. Она всем брала: и что лёгкая, и что открывалась глазам внезапно... Чебровскую видно было за пять километров – на то и рассчитывали строители. Талицкую как будто нарочно спрятали от праздного взора, и только тому, кто шёл к ней, она являлась вся, сразу...

Как-то в выходной день Сёмка пошёл опять к талицкой церкви. Сел на косогор, стал внимательно смотреть на неё. Тишина и покой кругом. Тихо в деревне. И стоит в

зелени белая красавица – столько лет стоит! – молчит. Много-много раз видела она, как восходит и заходит солнце, полоскали её дожди, заносили снега... Но вот – стоит. Кому на радость? Давно уж истлели в земле строители её, давно распалась в прах та умная голова, что задумала её такой, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть земля, горсть земли. О чём же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величил или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, тот норовит поближе к большим дорогам или вовсе – на людную городскую площадь – там заметят. Этого заботило что-то другое – красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушёл. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа. Милый, дорогой человек!.. Не знаешь, что и сказать тебе – туда, в твою чёрную жуткую тьму небытия – не услышишь. Да и что тут скажешь? Ну, – хорошо, красиво, волнует, радуется... Разве в этом дело? Он и сам радовался, и волновался, и понимал, что – красиво. Что же?.. Ничего. Умеешь радоваться – радуйся, умеешь радовать – радуй... Не умеешь – вой, командуй или что-нибудь такое делай – можно разрушить вот эту сказку: подложить пару килограммов динамита – дроболызнет, и все дела. Каждому своё.

Посмотрел Сёмка и заметил: четыре камня вверху, под карнизом, не такие, как все, – блестят. Подошёл поближе, всмотрелся – да, тот мастер хотел, видно, отшлифовать всю стену. А стена – восточная, и, если бы он довёл работу до конца, то при восходе солнца (оно встаёт из-за косогора) церковка в ясные дни загоралась бы с верхней маковки, и постепенно занималась светлым огнём вся, во всю стену – от креста до фундамента. И он начал эту работу, но почему-то бросил – может, тот, кто заказывал и давал деньги, сказал: «Ладно, и так сойдёт».

Сёмка больше того заволновался – захотел понять, как шлифовались камни? Наверно, так: сперва грубым песком, потом песочком помельче, потом – сукном или кожей. Большая работа. В церковь можно было проникнуть через подвал – это Сёмка знал с детства, не раз лазал туда с ребятнёй. Ход в подвал, некогда закрываемый створчатой дверью (дверь давно унесли), полуобвалился, зарос бурьяном... Сёмка с трудом протиснулся в щель между плитой и подножными камнями и, где на четвереньках, где согнувшись в три погибели, вошёл в притвор. Просторно, гулко в церкви... Лёгкий ветерок чуть шевелил отставший, вислый лист железа на маковке, и шорох тот, едва слышный на улице, здесь звучал громко, тревожно. Лучи света из окон рассекали затенённую пустоту церкви золотыми широкими мечами.

Только теперь, обеспокоенный красотой и тайной, оглядевшись, обнаружил Сёмка, что между стенами и по лом не прямой угол, а строгое, правильное закругление жёлобом внутрь. Попросту внизу вдоль стен идёт каменный приладок примерно в метре от стены у основания и в рост человеческого высотой. Наверху он аккуратно сводится на нет со стеной. Для чего он, Сёмка сперва не сообразил. Отметил только, что камни приладка, хорошо отёсанные и пригнанные друг к другу, внизу – тёмные, потом – выше – светлеют и вовсе сливаются с белой стеной. В самом верху купол, выложен из какого-то особенного камня, и он ещё, наверно, шлифован – так светло, празднично там, под куполом. А всего-то – четыре узких оконца...

Сёмка сел на приступку алтаря, стал думать: зачем этот каменный приладок? И объяснил себе так: мастер убрал прямые углы – разрушил квадрат. Так как церковка маленькая, то надо было создать ощущение свободы внутри, а ничто так не угнетает, не теснит душу, как клетка-квадрат. Он поэтому снизу положил камни потемней, а по мере того, как поднимал приладок, выравнивал его со стеной, – стены, таким образом, как бы отодвинулись.

Сёмка сидел в церкви, пока пятно света на каменном полу не подкралось к его ногам. Он вылез из церкви и пошёл домой.

На другой день Сёмка, сказавшись больным, не пошёл на работу, а поехал в райгородок, где была действующая церковь. Батюшку он нашёл дома, неподалеку от церкви. Батюшка отослал сына и сказал просто:

– Слушаю. Тёмные, живые, даже с каким-то озорным блеском глаза нестарого ещё попа смотрели на Сёмку прямо, твёрдо – он ждал.

– Ты знаешь талицкую церкву? – Сёмка почему-то решил, что с писателями и попами надо говорить на «ты». – Талица, Чебровского района.

– Талицкую?.. Чебровский район... Маленькая такая?

– Ну.

– Знаю.

– Какого она века?

Поп задумался.

– Какого? Боюсь, не соврать бы... Думаю, при Алексее Михайловиче ещё... Сынок-то его не очень баловал народ храмами. Семнадцатый век, вторая половина. А что?

– Красота-то какая!.. – воскликнул Сёмка. – Как же вы так?

Поп усмехнулся.

– Славу Богу, хоть стоит пока. Красивая, да. Давно не видел её, но помню. Внизу, кажется?..

– А кто делал, неизвестно?

– Это надо у митрополита узнать. Этого я не могу сказать.

– Но ведь у вас же есть деньги! Есть ведь?

– Ну, допустим.

– Да не допустим, а есть. Вы же от государства отдельно теперь...

– Ты это к чему?

– Отремонтируйте её – это же чудо! Я возьмусь отремонтировать. За лето сделаю. Двух-трёх помощников мне – до холодов сделаем.

– Я, дорогой мой, такие вопросы не решаю. У меня тоже есть начальство... Сходи к митрополиту! – Поп сам тоже заволновался. – Сходи, а чего! Ты веруешь ли?

– Да не в этом дело. Я, как все... Мне жалко – такая красота пропадает. Ведь сейчас же восстанавливают...

– Восстанавливает государство.

– Но у вас же тоже есть деньги!

– Государство восстанавливает. В своих целях.

Сёмка пошёл в облисполком. К председателю облисполкома он попал сразу и довольно странно. Вошёл в приёмную, секретарша накинулась на него:

– Почему же опаздываете?! То обижаются – не принимают, а то самих не дождёшься. Где остальные?

– Там, — сказал Сёмка. – Идут.

– Идут. – Секретарша вошла в кабинет, побыла там короткое время, вышла и сказала сердито:

– Проходите.

Сёмка прошёл в кабинет... Председатель пошёл ему на встречу – здороваться.

– А шуму-то наделали, шуму-то! – сказал он хоть с улыбкой, но и с укоризной тоже. – Шумим, братцы, шумим? Здравствуйте!

– Я насчёт церкви, – сказал Сёмка, пожимая руку председателя. – Она меня перепутала, ваша помощница. Я один... насчёт церкви...

– Какой церкви?

– У нас, не у нас, в Талице, есть церква семнадца того века. Красавица необыкновенная! Если бы её отремонтировать, она бы... Не молиться, нет! Она ценная не с религиозной точки. Если бы мне дали трёх мужиков, я бы её до холодов сделал. – Сёмка торопился, потому что не выносил, когда на него смотрят с недоумением. Он всегда нервничал при этом. – Я говорю, есть в деревне Талица церква, – стал он говорить

медленно, но уже раздражаясь. – Её необходимо отремонтировать, она в запустении. Это – гордость русского народа, а на неё все махнули рукой. А отремонтировать, она будет стоять ещё триста лет и радовать глаз и душу.

– Мгм, – сказал председатель. – Сейчас разберёмся. – Он нажал кнопку на столе. В дверь заглянула секретарша. – Попросите сюда Завадского. Значит, есть у вас в деревне старая церковь, она показалась вам интересной как архитектурный памятник семнадцатого века. Так?

– Совершенно точно! Главное, не так уж много там и делов-то: перебрать маковки, кое-где поддержать камни, может, растягу вмонтировать – повыше, крестом...

– Сейчас, сейчас... у нас есть товарищ, который как раз этим делом занимается. Вот он.

В кабинет вошёл молодой ещё мужчина, красивый, с волнистой чёрной шевелюрой на голове и с ямочкой на подбородке.

– Игорь Александрович, займитесь, пожалуйста, с товарищем – по вашей части.

– Пойдёмте, – предложил Игорь Александрович.

Они пошли по длинному коридору, Игорь Александрович впереди, Сёмка сзади на полшага.

– Я сам не из Талицы, из Чебровки, Талица от нас...

– Сейчас, сейчас, – покивал головой Игорь Александрович не оборачиваясь. – Сейчас во всём разберёмся.

«Здесь, вообще-то, время зря не теряют», – подумал Сёмка. Вошли в кабинет... Кабинет победней, чем у председателя, – просто комната, стол, стул, чертежи на стенах, полка с книгами.

— Ну? — сказал Игорь Александрович. И улыбнулся. – Садитесь и спокойно всё расскажите.

Сёмка начал всё подробно рассказывать. Пока он рассказывал, Игорь Александрович, слушая его, нашёл на книжной полке какую-то папку, полистал, отыскал нужное и, придерживая ладонью, чтобы папка не закрылась, стал заметно проявлять нетерпение. Сёмка заметил это.

– Всё? – спросил Игорь Александрович.

– Пока всё.

– Ну, слушайте. Талицкая церковь. Н-ской области. Чебровского района, – стал читать Игорь Александрович. – Так называемая на крови. Предположительно семидесятые-девяностые годы 17-го века. Кто-то из князей Борятинских погиб в Талице от руки недруга... — Игорь Александрович поднял глаза от бумаги, высказал предположение:

– Архитектор неизвестен. Как памятник архитектуры ценности не представляет, так как ничего нового для своего времени, каких-то неожиданных решений или поиска таковых автор здесь не выказал. Более или менее точная копия владимирских храмов. Останавливают внимание размеры церкви, но и они продиктованы соображениями не архитектурными, а, очевидно, материальными возможностями заказчика. Перестала действовать в 1925 году.

– Вы её видели? – спросил Сёмка.

– Видел. Это, – Игорь Александрович показал страничку казённого письма в папке, – ответ на мой запрос. Я тоже, как вы, обманулся...

– А внутри были?

– Был, как же. Даже специалистов наших областных возил...

– Спокойно! – зловеще сказал Сёмка. – Што сказали специалисты? Про прикладок...

– Вдоль стен? Там, видите, какое дело: Борятинские увлекались захоронениями в своём храме и основательно раздолбали фундамент. Церковь, если вы заметили, слегка покосилась на один бок. Какой-то из поздних потомков их рода прекратил это. Сделали

вот такой прикладок... Там, если обратили внимание, – надписи на прикладке – в тех местах, где внизу захоронения. Сёмка чувствовал себя обескураженным.

– Но красота-то какая! – попытался он упорствовать.

– Красивая, да. – Игорь Александрович легко поднялся, взял с полки книгу, показал фотографию храма. – Похоже?

– Похоже...

– Это владимирский храм Покрова. Двенадцатый век. Не бывали во Владимире?

– Я што-то не верю... – Сёмка кивнул на казенную бумагу. – По-моему, они вам втёрли очки, эти ваши специалисты. Я буду писать в Москву.

– Так это и есть ответ из Москвы. Я почему обманулся: думал, что она тоже двенадцатого века... Я думал, кто-то самостоятельно – сам по себе, может быть, понаслышке – повторил владимирцев. Но чудес не бывает. Вас что, сельсовет послал?

– Да нет, я сам... Домой Семён выехал в тот же день. В райгородок приехал ещё засветло и пошёл к отцу Герасиму. Отец Герасим был в церкви на службе. Сёмка отдал его домашним деньги, какие ещё оставались, оставил себе на билет и на бутылку красного, сказал, что долг вышлет по почте... И поехал домой.

С тех пор он про талицкую церковь не заикался, ни когда не ходил к ней, а если случалось ехать талицкой дорогой, он у косогора поворачивался спиной к церкви, смотрел на речку, на луга за речкой, курил и молчал. Люди заметили это, и никто не решался заговорить с ним в это время. И зачем он ездил в область, и куда там ходил, тоже не спрашивали. Раз молчит, значит, не хочет говорить об этом, значит, зачем спрашивать?

1969 – 1971

ЗАДАНИЯ

1. Чем выделяется Сёмка Рысь среди других деревенских жителей?
2. Почему он не использует свои умения, чтобы «как сыр в масле кататься»?
3. Что заставило Сёмку впервые обратить внимание на талицкую церковь?
4. Какие секреты древнего мастера обнаруживает Сёмка? Как оценивает его работу?
5. Почему Сёмка начинает хлопотать о реставрации церкви?
6. Как вы думаете, почему Сёмка действует один? Как отнеслись бы к его идее односельчане?
7. Почему ни представители церкви, ни светская власть не помогли Сёмке осуществить его замысел?
8. Церковь в Талице не представляет ценности как памятник архитектуры. А в чём видит её ценность Сёмка Рысь? Почему он обескуражен ответом областного начальства?
9. Как автор показывает чувства героя в конце рассказа? Каковы эти чувства?

2023

10 КЛАСС

Письменное задание творческого характера

Вернисаж литературных вещей

Для Вернисажа литературных вещей Вам поручили подготовить один лот и его описание для экспозиционного каталога. Для открытия выставки выбираются предметы, принадлежащие литературным персонажам и имеющие для них особую ценность (а в произведении – значимую смысловую нагрузку).

Вам предстоит собрать максимально полную информацию о выбранном предмете, которая должна включать:

- сведения о его происхождении, времени появления;
- историю приобретения его литературным персонажем (с объяснением того, на чем основаны эти сведения);
- объяснение его роли в судьбе персонажа, связи с сюжетными событиями.

Увеличить ставки поможет «биография» вещи: сведения о том, имела ли она иных владельцев, встречалась ли в других произведениях, каковы в них были её функции.

Необходимо ориентироваться на произведения художественной литературы, созданные русскими писателями после 1850 года и до 1910-х годов.

Критерии оценивания

1. Достаточная полнота, точность и уместность информации о выбранном предмете (сведения о происхождении, история приобретения), умение охарактеризовать его функции в произведении, описать роль в судьбе персонажа – 0 – 15 баллов (можно исходить из расчёта 5 баллов за каждый пункт задания).

2. Знание историко-культурного и литературного контекста, умение проследить литературную «биографию» вещи – 0 – 5 баллов.

3. Общая грамотность речевого оформления – 0 – 5 баллов. Итого: максимальный балл – 25.

Выполняя задание, ученики **создают текст ответа**. Ориентировочный объём – не менее 1,5 листов ученической тетради.